DOI: 10.31857/S0236200724010053

©2024 К.Н. ХОЛОДНОВА

ВРЕМЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Холоднова Ксения Николаевна — аспирантка кафедры философской антропологии философского факультета.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119192 Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4.
ORCID: 0009-0008-7336-0230
kholodnovaksenia@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема времени в романе «Бесы» и повести «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского. Основным методом статьи выбран антропологический анализ, который помогает показать связь человека и времени. Автор предлагает уйти от привычной трактовки времени в творчестве Ф.М. Достоевского, а именно перестать рассматривать время как онтологическую категорию и говорить об эсхатологическом и апокалипсическом времени или о его преодолении. В исследовании анализируются взгляды Н.А. Бердяева, М.М. Бахтина и В.А. Подороги на данную проблему в творчестве Ф.М. Достоевского, выявляются их недостатки и предлагается альтернативная, антропологическая трактовка времени. Именно она, на наш взгляд, является наиболее близкой к истине в пространстве философской антропологии Ф.М. Достоевского. Научная новизна исследования заключается в том, что автор впервые в научной литературе обосновывает идею, согласно которой время в анализируемых произведениях Ф.М. Достоевского появляется только вместе с человеком, становится свойством его сознательной

УДК 141.319.8

жизни и есть не онтологическая, но антропологическая категория. Человек становится тем, кто живет во времени, потому что он «прикован к самому себе, смотрит внутрь своей самости» (Ф.И. Гиренок). При этом человек не живет в пространстве, ведь он не обращается к тому, что вне его. Закрытость человека в самом себе делает его временным, а не пространственным существом, что, на наш взгляд, и было продемонстрировано Ф.М. Достоевским.

Ключевые слова: антропология Ф.М. Достоевского, человек, время, философская антропология, сознание, двойственность человека, «подпольный человек», внутреннее чувство, философия.

Ссылка для цитирования: Холоднова К.Н. Время в произведениях Ф.М. Достоевского: онтологическая и антропологическая интерпретации // Человек. 2024. Т. 35, № 1. С. 65–75. DOI: 10.31857/S0236200724010053

Творчество Ф.М. Достоевского всегда привлекало к себе пристальное внимание мыслителей всего мира. Поставленные им вопросы о сущности человека, о его душе, вере, смысле жизни остаются актуальными и сегодня. Проблема времени в произведениях Ф.М. Достоевского также вызывает живой интерес, что отражено во многих философских исследованиях. В научной литературе представлен ряд работ, в которых анализируется и интерпретируется время в произведениях Достоевского. Мы сосредоточим внимание на некоторых из них, а именно на идеях М.М. Бахтина, Н.А. Бердяева и В.А. Подороги. Стоит заметить, что работы выбранных мыслителей будут проанализированы не в хронологическом, а в концептуальном порядке, поскольку идейно, на наш взгляд, трактовка В.А. Подороги продолжает линию, заданную Н.А. Бердяевым. Кроме того, необходимо отметить, что идеи названных авторов лежат в плоскости онтологии. После анализа онтологической стратегии понимания времени у Ф.М. Достоевского, мы предложим и обоснуем правомерность антропологической трактовки, которая ранее игнорировалась. Корни такого понимания времени мы находим у И. Канта, который в работе «Критика чистого разума» заявил, что «время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) созерцания (которое всегда имеет чувственный характер, то есть поскольку мы подвергаемся воздействию предметов) и само по себе, вне субъекта, есть ничто» [Кант, 2009: 75].

Русская философия о времени в произведениях Ф.М. Достоевского

М.М. Бахтин в своей работе «Проблемы поэтики Достоевского» вводит термин полифонический роман, который, на его взгляд, наиболее точно описывает форму романа, изобретенную Ф.М. Достоевским. В отличие от монологического романа, который господствовал в литературе ранее, романы Достоевского наполнены множеством равноправных миров и сознаний, которые даны не в одном, а в нескольких абсолютно равноценных и полных кругозорах. Основное свойство романного мира у Ф.М. Достоевского — его глубокая, все пронизывающая плюралистичность. М.М. Бахтин находит образ, к которому тяготеет такое мировоззрение Достоевского: им становится церковь «как общение неслиянных душ, где сойдутся и грешники, и праведники; или, может быть, образ дантовского мира, где многоплановость переносится в вечность, где есть нераскаянные и раскаявшиеся, осужденные и спасенные» [Бахтин, 2017: 40]. Таким образом, по мнению Бахтина, Ф.М. Достоевский тяготел к тому, чтобы воспринимать мир, в том числе объективный социальный, как всегда и неизбежно многоплановый и противоречивый. При этом возникновению полифонического романа способствовали как дух эпохи, так и являющаяся его отражением личность Достоевского: он постоянно менял свои взгляды на мир, политические убеждения и мировоззренческие установки. Согласно М.М. Бахтину, одна из главных особенностей творческого метода Достоевского состоит в том, что он мыслил мир преимущественно в пространстве, а не во времени. Главной категорией художественного видения писателя было сосуществование и взаимодействие, а не становление. А значит, он стремился весь материал организовать в одном времени и в драматической форме. «Разобраться в мире значило для него — помыслить все его содержания как одновременные и угадать их взаимоотношения в разрезе одного момента» [там же: 43], поэтому Достоевский стремился сосредоточить в одном моменте качественное многообразие. Также Бахтин объясняет динамичность действия в произведениях Достоевского: «динамика и быстрота здесь не торжество времени, а преодоление его, ибо быстрота — единственный способ преодолеть время во времени» [там же]. Ввиду важности одновременности действий прошлое и будущее оказываются незначимыми для Достоевского, поэтому биографий у его героев просто нет. Отсюда же, по Бахтину, вытекает отсутствие попыток со стороны писателя объяснить созданные им образы, ссылаясь на их прошлое, влияние среды и воспитание.

Н.А. Бердяев в своей работе «Самопознание» писал: «Я всегда философствовал так, как будто наступает конец мира и нет перспективы времени. В этом я очень русский и дитя Достоевского» [Бердяев, 2006: 349]. Бердяев ясно видел, что в мире происходит не только дехристианизация, но и дегуманизация, и находил это понятным только в перспективе эсхатологического христианства. Все в мире ему представлялось не развивающимся и переходным, но всегда конечным, а история виделась только в эсхатологической перспективе. Призывая к преображению мира, Бердяев называл свой эсхатологизм активно-творческим и даже пришел к особого рода гносеологии. Эсхатология у него «обозначает символическую объективацию трагедии сознания», а «конец есть конец объективации» и последующий «переход в субъективность царства свободы» [там же: 350]. Глубоко личные переживания и чувства Н.А. Бердяева, по его признанию, никогда не позволяли ему примириться с чем-то преходящим и тленным. Ценной же ему представлялась только вечность, поэтому главным религиозным вопросом для Бердяева всегда оставался вопрос о бессмертии и вечной жизни. При этом утешение, которое связано с прогрессом человечества и его будущим достижением мировой гармонии, всегда казалось ему жалким. В этом Н.А. Бердяев, по его словам, готов был встать на сторону как Ивана Карамазова, так и «подпольного человека», ведь ничто общее не может служить достаточным утешением для «индивидуального существа». Сам прогресс приемлем для человека лишь в том случае, когда он совершается не только для грядущих поколений, но и для него самого. Смысл, по Бердяеву, должен быть соразмерен с моей судьбой, потому что, если я представляю себе вечную жизнь, где для меня и моего любимого человека нет места, то какое она будет иметь для меня значение? Никакого, потому что смысл может быть лишь в субъективности, ведь эта проблема стоит перед каждым человеком, и любая попытка ее объективировать есть ложь.

В.А. Подорога обращается к интересующей нас проблеме в главе «План конца времени, апокалиптический» своей книги «Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского» [Подорога, 2019]. Там он называет Ф.М. Достоевского одним из самых апокалиптически вдохновленных русских писателей XIX века. Для начала Подорога, опираясь на рассуждения С.Н. Булгакова, разводит позиции эсхатологической метафизики, представителями которой являются Н.А. Бердяев и Н.Ф. Федоров, и апокалиптической мистики, которой придерживались А. Белый и о. П. Флоренский. Первая опирается на формальную онтологию эсхатона, а вторая рассматривает время приближающегося конца как постоянное присутствие Откровения. Подорога добавляет, что данное различие кажется ему

несколько грубым, ведь апокалиптическое время примыкает к эсхатологическому. Оно есть отмеренный фрагмент истории, которая завершается. Конец истории невозможно помыслить, но время ожидания конца — можно, оно становится действительным временем, которое через мыслящее ожидание наполняется смыслом. Эта двуплановость приводит к промежуточному состоянию: с одной стороны, к острому ощущению Конца, а с другой — эсхатологическому отказу от времени. Достоевский же здесь, как считает Подорога, выказывает большую чистоту жанра, потому что апокалиптичность пронизывает общее чувство времени в его произведениях. Таким образом, у него апокалиптическое время будет примыкать к эсхатологическому. Апокалиптичность у Достоевского наиболее интересно проявляется в эпизодах перед самоубийством героя и дискуссий вокруг него. Как известно, одним из героев-самоубийц Достоевского оказывается инженер Алексей Нилыч Кириллов из романа «Бесы». Кириллов — логический самоубийца, который выстроил целую теорию собственного обожения. Перед казнью или самоубийством, как считал В.А. Подорога, человек в попытках представить предсмертное время в открытости экзистенциального переживания, подвергается полному перерождению. Здесь появляется парадокс перехвата времени, и возникают два временных пласта, которые необходимо различать между собой: первый — это тот, в котором сейчас пребывает герой (профанное, имманентное время), второй — тот, который связан с переживанием такого качественного момента, что создает эффект полноты самого времени. Здесь происходит переход в иное время, и оно сопровождается галлюцинациями и видениями (время трансцендентное). В этот момент приговоренный к смерти собой или другими предпринимает попытки овладеть образами времени конца, а также управлять ими так же, как он управляет собственным экзистенциальным временем.

Отметим, что, согласно видению М.М. Бахтина, время в произведениях Ф.М. Достоевского возникает только как одновременность событий. Н.А. Бердяев считает, что рассуждения о времени имеют смысл только в его соотнесенности с вечностью. В.А. Подорога приходит к выводу о том, что герои Достоевского оказываются в таком времени, в котором соединение «тогда и теперь в мгновении вдруг дает картину апокалиптического переживания» [там же: 347]. Таким образом, мы видим, что у представленных выше мыслителей трактовка времени в произведениях Ф.М. Достоевского является онтологической. Мы же, в свою очередь, хотим представить антропологическую интерпретацию этого понятия.

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

Антропология времени в повести «Записки из подполья»

Главный герой «Записок из подполья», по его же собственному признанию, человек больной, злой, непривлекательный, и печень его болит. Раньше он служил, а теперь живет в подполье. Сколько он служил, мы не знаем, но время подполья он отсчитывает точно — сорок лет. Почему так? Потому что, «чтобы быть во времени, человеку нужно изобрести сознание» [Гиренок, 2023: 16], а именно в подполье герой стал «усиленно сознавать». Чем еще занимается герой в подполье? Он от стыда месяцами страдает бессонницей, вырабатывает свои сорокалетние убеждения и живет придавленный сознанием. Главной единицей измерения времени в повести становится минута: «в те самые, да, в те же самые минуты, в которые я наиболее способен был сознавать» [там же: 598], «человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик» [там же: 613], «минутами мне казалось, что я в бреду» [там же: 643], «думал я минутами» [там же] и т.д. Для того чтобы понять такую зацикленность «подпольного человека» на столь маленькой единице измерения времени, нам нужно объяснить, откуда берется время. Его изобретает человек, когда грезит. Ведь, если греза дана только сейчас, то, извлекая ее из небытия, человек заставляет ее быть еще и в следующий момент. Так непрерывно длящееся настоящее возникает вместе с человеком, оно становится его сознательным усилием длить грезу. Такое время, будучи свойством сознательной жизни человека, не обладает всеми тремя модусами, — прошлым, настоящим и будущим, а имеет только непрерывно длящееся настоящее. Поэтому «подпольный человек» всю жизнь не мог ничего ни начать, ни кончить, ведь чтобы начать и кончить, нужно иметь все три модуса времени в распоряжении, а у него их нет. Он разорвал связь с внешним миром, закрылся в подполье, подвергнув сущее радикальной редукции, и начал размышлять, мечтать и грезить. Продлевая свои грезы, он учреждает настоящее. И именно минута становится наиболее адекватной единицей времени, если мы будем оценивать последнее как антропологический феномен. Месяцы будут казаться невыносимо огромными промежутками. И «подпольный человек» сетует, что больше трех месяцев подряд он никак не может мечтать. У него появлялась непреодолимая потребность вернуться в общество.

Зачем возвращаться в общество? Там люди говорят, пытаясь избавить себя разговорами от грез, а там, где нет грез, нет настоящего. Где настоящее? В минутах мечтаний человек вглядывается в самого себя, тогда в нем, как говорит «подпольный человек», все

беспрерывно внутри накипает. Тогда и внешнее застывает, длится, не меняется, например, «подпольный человек» отмечает, что по три дня идет снег, почти мокрый, желтый и мутный. Что нужно человеку, чтобы грезить? Сознание, единственной причиной которого является страдание. Почему сознание? Потому что именно в нем и есть весь человек. Оттуда выхолощено все внешнее, для него незначима дихотомия истины/лжи и нет невозможного. Там есть только грезы, желания. Именно благодаря сознанию человек существует в модусе ускользания от *что*. Там рождается то, что не существует, но что дано и дано во времени. Там, как говорит «подпольный человек», появляется дворец, который в реальности курятник. Что делать человеку с таким дворцом? Пренебрегать тем, что он в реальности курятник, то есть «отождествлять бытие и мысль о бытии в своих галлюцинациях» [там же: 12]. Ведь «не все ли равно, если он существует в моих желаниях, или, лучше сказать, существует, пока существуют мои желания?» [Достоевский, 2019: 616]. Вот это «пока существуют мои желания» и есть антропологическое время, учреждаемое «подпольным человеком». Пока существует его желание дворца там, где курятник, существует непрерывно длящееся настоящее. Ведь для человека жить — значит грезить, желать, и нет ему, как отмечает «подпольный человек» в своих записках, совсем никакого дела до того, что так невозможно устроить, как он желает, и надо довольствоваться тем, что есть. Потому что, если человек будет согласен жить только среди того, что есть, он обязательно задастся вопросом: «…неужели ж я для того только и устроен, чтоб дойти до заключения, что все мое устройство одно надувание?» [там же: 617]. Но он не согласен с этим, он вглядывается в самого себя, преодолевает бессмысленность мира, учреждая в нем смыслы, рожденные в горизонте сознания, удерживает их в непрерывно длящемся для него настоящем и отсекает так прошлое и будущее.

А что есть в прошлом и будущем? Дважды два четыре, которого «человек всегда как-то боялся» [там же: 615], это «вещь пренесносная» [там же], «только нахальство-с» [там же], «дважды два четыре стоит поперек вашей дороги руки в боки и плюется» [там же]. Перефразируя главного героя «Двойника» Голядкина, мы скажем: либо дважды два четыре, либо человек, а вместе им невозможно.

Антропология времени в романе «Бесы»

Один из героев романа «Бесы», логический самоубийца Алексей Нилыч Кириллов, предпринимает эксперимент по собственному

обожению с целью изменить мир. Его, как он сам говорит, всю жизнь Бог мучил, поэтому он задумал его убить и стать на его место. Сам Кириллов пока еще только Бог поневоле, он обязан заявить свою волю и убить себя, чтобы Богом стать. Ему страшно от этого. Что произойдет, когда Бог умрет? Больше не будет будущей вечной жизни, а появится здешняя вечная, люди дойдут до минут, когда время остановится вечным, и всегда будет таковым. Убежденный в этом, Кириллов даже часы остановил, когда на них было тридцать семь минут третьего. Ставрогин однажды спрашивает Кириллова: «Куда же спрячут время?» А тот отвечает: «никуда не спрячут, время не предмет, а идея. Погаснет в уме» [Достоевский, 1996: 148]. Одной фразой Кириллов уничтожает онтологический статус времени, помещая его как идею в сознание человека. Почему время погаснет в уме? «Когда весь человек счастья достигнет, то времени больше не будет, потому что не надо» [там же]. Что утратит человек, когда счастья достигнет? Сознание, которое, как мы помним со слов «подпольного человека», является результатом страдания. Утратив сознание, счастливый человек утратит и время, потому что быть в сознании — значит быть во времени, то есть «бытийствовать тем бытием, которым тебя наделило сознание, а не тем, которым тебя наделила природа и в котором ты есть animalitas» [Гиренок, 2023: 19]. Ведь у человека есть два сенсориума: один из них для жизни в мире, а другой — для жизни в мире образов. Первый, согласно Ф.И. Гиренку, состоит из шести чувств, тогда как второй — из четырех, а именно из чувства реальности, чувства самого себя, чувства времени и чувства Бога. Чувство времени спрятано именно в сознании, которым грядущий счастливый человек Кириллова обладать больше не будет. Что утрачивает человек вместе с отказом от сознания во имя счастья? Специфически человеческий способ быть, учреждая смыслы посредством извлечения из небытия собственных грез. Отказываясь от грез, рождающихся в горизонте сознания, человек перестает быть временным существом. Именно поэтому после запланированной Кирилловым смерти человека времени больше не будет.

* * *

Вслед за И. Кантом мы продолжаем утверждать, что философия — это антропология, а значит, осмыслять базовые категории вне человека становится невозможным. Привычка воспринимать время как онтологическую категорию так закрепилась в философии на протяжении всей истории ее существования, что и сегодня она сохраняет свою силу. Однако наиболее правомерным нам кажется

антропологическое понимание времени. Именно такое отношение ко времени мы находим в произведениях великого русского писателя и мыслителя Ф.М. Достоевского. Время у него возникает вместе с человеком, становясь характерным свойством его сознательной жизни и созерцания самого себя. Ведь человек — это тот, у кого сломан инстинкт, и тот, за кем проступает субъективность, которой он принадлежит. Человек не есть причина того, что существует, а есть причина того, что дано. Дано ему в его грезах и длится во времени. Удерживая грезу, «человек живет, как Нанук с Севера, в тихой повседневности быта, или, что то же самое, в непрерывно длящемся настоящем, у которого нет ни прошлого, ни будущего» [Гиренок, 2017]. «Подпольный человек» превратил всю свою жизнь в подполье, в непрерывно длящееся настоящее ежеминутным усиленным сознаванием, анализом, а Кириллов из «Бесов» задумал сделать человека счастливым, но не сознающим, не анализирующим, то есть не временным существом. Ведь в уме счастливого, но не сознающего человека время погаснет как идея. Именно эти герои Ф.М. Достоевского, на наш взгляд, позволяют рассуждать о времени как об антропологической, но не онтологической категории.

Time in the Works of F.M. Dostoevsky: Ontological and Anthropological Interpretations

Ksenia N. Kholodnova
Postgraduate Student, Faculty of Philosophy, Department of Philosophical Anthropology.
Lomonosov Moscow State University.
27 Build. 4, Lomonosov avenue, Moscow 119192, Russian Federation.
ORCID: 0009-0008-7336-0230
kholodnovaksenia@mail.ru

Annotation. The article analyzes the problem of time in the following works by F.M. Dostoevsky: the novel “Demons” and the novella “Notes from the Underground”. The main method of the article is anthropological analysis, which will help achieve the purpose of this study and show the connection between man and time. The author suggests moving away from the already familiar interpretation of time in the works of F.M. Dostoevsky, namely, to stop considering time as an ontological category and talk about eschatological and apocalyptic time or even about overcoming it. The study analyzes the views of N.A. Berdyaev, M.M. Bakhtin and V.A. Podoroga on this problem in the works of F.M. Dostoevsky, their shortcomings are revealed and an alternative, anthropological interpretation of time is proposed. It is, in our opinion, that is the closest to the truth in the space of F.M. Dostoevsky’s philosophical anthropology. The scientific novelty of the research lies in the

fact that the author for the first time in the scientific literature substantiates the idea that time in the selected works of F.M. Dostoevsky appears only with a person, becomes a property of his conscious life and is not an ontological, but an anthropological category. A person becomes someone who lives in time because he is "chained to himself, looking inside his self" (F.I. Girenok). But at the same time, a person does not live in space, because he does not turn to what is outside of it. The closeness of a person in himself makes him a temporary, not a spatial being, which, in our opinion, was demonstrated by F.M. Dostoevsky.

Keywords: Dostoevsky's anthropology, man, time, philosophical anthropology, consciousness, human duality, "underground man", inner feeling, philosophy.

For citation: Kholodnova K.N. Time in the Works of F.M. Dostoevsky: Ontological and Anthropological Interpretations // Chelovek. 2024. Vol. 35, N 1. P. 65–75. DOI: 10.31857/S0236200724010053

Литература/References

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Издательство «Э», 2017.

Bakhtin M.M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Izdatel'stvo «Je» Publ., 2017.

Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Мир книги, Литература, 2006.

Berdyaev N.A. *Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii)* [Self-Knowledge (The Experience of Philosophical Autobiography)]. Moscow: Mir knigi, Literatura Publ., 2006.

Гиренок Ф.И. Homo hallucinatas: идея двойной инверсии в исследовании человека // Философские науки. 2023. Т. 66. № 2. С. 7–25. DOI**:** 10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25

Girenok F.I. Homo hallucinatas: ideja dvojnoj inversii v issledovanii cheloveka [Homo hallucinatas: the Idea of Double Inversion in Human Research]. *Filosofskie nauki*. 2023. Vol. 66. N 2. P. 7–25. DOI**:** 10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25

Гиренок Ф.И. Что значит сегодня мыслить по-новому? // Философия хозяйства. 2017. № 3. С. 141–146.

Girenok F.I. Chto znachit segodnja myslit' po-novomu? [What Does It Mean to Think in a New Way Today?]. *Filosofija hozjajstva*. 2017. N 3. P. 141–146.

Достоевский Ф.М. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М.: Согласие, 1996. С. 5–434.

Dostoevsky F.M. *Besy. Roman v treh chastjah. «Besy»: Antologija russkoj kritiki* [Demons. A novel in Three Parts. Demons: Anthology of Russian Criticism]. Moscow: Soglasie Publ., 1996. P. 5–434.

Достоевский Ф.М. Записки из подполья // *Ф.М. Достоевский*. Полное собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2019. С. 596–674.

Dostoevsky F.M. *Zapiski iz podpol'ja* [Notes from the Underground]. F.M. Dostoevsky. *Polnoe sobranie povestej i rasskazov v odnom tome* [The Complete

Collection of Novels and Short Stories in One Volume]. Moscow: AL'FA-KNIGA Publ., 2019. P. 596–674.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского, сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; прим. Ц.Г. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2009.

Kant I. *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason], transl. from Germ. by N. Losskii verif. and edit. by C.G. Arzakanjan and M.I. Itkin; compil., notes by C.G. Arzakanjan. Moscow: Jeksmo Publ., 2009.

Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. М.: РИПОЛ классик / Панглосс, 2019.

Podoroga V.A. *Rozhdenie dvojnika. Plan i vremja v literature F. Dostoevskogo* [The Birth of a Double. Plan and Time in Dostoevsky's Literature]. Moscow: RIPOL klassik, Pangloss Publ., 2019.